

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-199-207>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. И.В. Юзефович
г. Москва, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В ПРОЗЕ И.Э. БАБЕЛЯ

Аннотация: Попытки моделирования ушедшего национального мира возникают в творчестве многих авторов первой трети XX столетия как следствие краха традиционной культуры, процесса типологически схожего как для русской, так и для еврейской цивилизаций. Стремление воссоздать мир прошлого характерно и для прозы И.Э. Бабеля. Описав крушение национального мира в «Конармии», И.Э. Бабель реконструирует его не только в «Одесских рассказах», но и в незавершенном цикле рассказов о детстве. Главным героем и, по совместительству, повествователем становится ребенок. Однако связь между ним и взрослым рассказчиком не столь сильна, как в автобиографической прозе большинства современников (представителей как русской, так и еврейской литературы) И.Э. Бабеля. Взрослый повествователь не стремится вырваться за пределы реальности, не грезит о побеге в дореволюционную Одессу; он, напротив, мечтает поскорее повзрослеть и обрести силу, достаточную для того, чтобы предотвратить крушение национального мира, дать отпор погромщикам, пускай и ценой собственной жизни. Идеалом в прозе И.Э. Бабеля о детстве становится не прошлое, а будущее, в котором его герой окрепнет и сможет построить новый мир, «Интернационал добрых людей».

Ключевые слова: Бабель, первая треть XX в., русско-еврейская литература, автобиографическая проза, диалог культур.

Информация об авторе: Илья Викторович Юзефович — кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и лингвокультурологии, Академия им. Маймонида, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Садовническая ул., д. 35, с. 2, 115035 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-4836-6924>

E-mail: ilvicu@list.ru

Дата поступления статьи: 08.05.2023

Дата одобрения рецензентами: 12.12.2023

Дата публикации: 25.03.2024

Для цитирования: Юзефович И.В. Национальный мир глазами ребенка в прозе И.Э. Бабеля // Вестник славянских культур. 2024. Т. 71. С. 199–207.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-199-207>

По определению И.А. Ильина, русская культура — «дитя исторических катастроф» [2, с. 296], и сама «русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны» [1, с. 13]. Именно в ту эпоху, представителем которой был знаменитый отечественный мыслитель, в первой трети XX столетия, происходит грандиозный исторический катаклизм: в результате войн и революций начинается распад прежних форм национального сознания. «Историческая катастрофа» затрагивает не только русскую культуру, ее жертвами становятся и многие народы России. В частности — наблюдается коренная ломка традиционного еврейского уклада, что отчасти способствует готовившемуся на протяжении более чем столетия диалогу двух национальных миров, в котором каждая из национальных культур и литератур призвана осознать и художественно выразить себя и другого, очертить границы «своего мира» и постепенно расширять и приоткрывать эти границы.

В эту эпоху в творчестве многих авторов — как русских, так и еврейских — актуализируется проблема воссоздания национального мира, не знавшего катастрофы. Зачастую подобное повествование строится как описание определенных, бытовых и бытийных, аспектов традиционного (для той или иной культуры) уклада, поданное сквозь призму детского восприятия. Выбор героя-ребенка неслучаен. Взрослый автор, ставший свидетелем распада, а подчас и уничтожения гармоничного мира прошлого, не может выступить в роли повествователя, потому что стал частью уже совершенно другого мира, мира надломленного, профанного. Повзрослевший писатель, подобно героям древних мифов о святой земле, навеки потерял возможность вернуться в совершенную вселенную детства, он ритуально нечист, в отличие от юного рассказчика, который становится хранителем ключей от врат утерянного Эдема и выступает проводником читателя по миру, не знавшему Катастрофы. Стремясь оградить себя от чуждой, полной ужасов и несправедливости, действительности, многие авторы совершают побег в «Святую землю» — в мир детства, где все гармонично, где религиозные обряды и ценности выполняют функцию оберега, а люди наделяются волшебными, сказочными чертами. Подобная модель повествования встречается в творчестве целого ряда писателей первой половины XX в.: И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, Ш.Й. Агнона [5], И.Б. Зингера и др., однако в контексте творчества И.Э. Бабеля обозначенная проблематика, как правило, не рассматривается; внимание исследователей-бабелеведов привлекают рассказы «конармейского» и «одесского» циклов. В рамках статьи мы сосредоточимся на анализе незавершенной книги И.Э. Бабеля о детстве.

Над автобиографической книгой о детстве И.Э. Бабель работал, судя по всему, на протяжении многих лет. Начало было положено в 1915 г. [3, с. 149-151], когда выходит в свет новелла «Детство. У бабушки» (предполагалось, что она станет второй главой задуманного цикла). На протяжении десятилетия Бабель к теме детства не обращался, но в мае 1925 г. на страницах «Красной газеты» появляются рассказы «История моей голубятни» и «Первая любовь». Работу над циклом Бабель собирался возобновить и позднее, о чем 14 октября 1931 г. пишет матери (тогда в журнале «Молодая гвардия» был опубликован рассказ «Пробуждение» и готовился к печати в «Новом мире» рассказ «В подвале» — оба из предполагаемого автобиографического цикла): «Я <...> дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием “История моей голубятни”. Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переименовано, — когда книжка будет окончена, тогда станет ясно, для чего мне все то было нужно» [7, т. 1, с. 319]. Книга так и не была завершена, но сохранившиеся рассказы («Детство. У бабушки», «История моей голубятни», «Первая любовь», «Пробуждение», «В подвале») едва ли могут быть названы под-

линно автобиографическими, многое в них действительно «приврано... и переменено». О вымысле Бабеля в рассказах о детстве вспоминала и жена писателя А. Пирожкова, задавшая ему однажды вопрос о том, являются ли его рассказы автобиографическими:

— Нет, — ответил он.

Оказалось, что даже такие рассказы, как «Пробуждение» и «В подвале», которые **кажутся отражением детства**, на самом деле не являются автобиографическими. Может быть, лишь некоторые детали, но не весь сюжет. На мой вопрос, почему же он пишет рассказы от своего имени, Бабель ответил:

— Так рассказы получаются короче: не надо описывать, кто такой рассказчик, какая у него внешность, какая у него история, как он одет... [8, т. 4, с. 453–454].

Впрочем, повествователь честен с читателем, давая ему понять, что не всему написанному стоит верить. Рассказ «В подвале» начинается со слов «Я был лживый мальчик. Это происходило от чтения. Воображение мое всегда было воспламенено» [7, т. 2, с. 179]. Герои-дети в автобиографической прозе русских и еврейских авторов первой трети XX в. не менее трепетно относились к книге (в особенности — к Книге книг), однако их ложь минимальна, а дистанция между автором и ребенком-рассказчиком очень невелика (сохранены, как правило, даже подлинные имена как самих героев, так и их окружения, в то время как герой Бабеля безымяннен: в «Истории моей голубятни» упомянута лишь его фамилия).

Кроме того, герой-ребенок у Бабеля, по замечанию Ж. Хетени [6, с. 229–257], пребывает сразу в двух мирах: традиционном и новом, мире, из которого постепенно уходит еврейская традиция. Разрываясь между ними, он вынужден сделать выбор и отдает предпочтение не прошлому (тема идеализации которого здесь практически отсутствует), как герой рассказов Ш.И. Агнона, Б. Зингера, романов И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева, а будущему, постепенно разрывая связь с традицией. Не случайно одной из ключевых в большинстве рассказов о детстве является тема побега: «Я думал о побеге» [7, т. 2, с. 178], — этими словами завершается рассказ «Пробуждение». Рассказы «История моей голубятни» и «Первая любовь», составляющие своеобразную дилогию, заканчиваются побегом от погромов из города, где, по признанию повествователя, «прошли десять лет <...> детства» [7, т. 2, с. 159]. Но отметим, что в мире прошлого проводником становится именно ребенок, и это типологически сближает прозу Бабеля с текстами современников.

В рассказе «Детство. У бабушки» изображается модель замкнутого национального мира. Юный герой, ведущий всю неделю достаточно светский, далекий от следования еврейской традиции, образ жизни, каждую субботу¹ должен проводить в комнате бабушки, в которой «было жарко, душно» [7, т. 1, с. 38], и от этого рассказчику «всегда бывало тоскливо, хотелось вырваться, хотелось на волю» [7, т. 1, с. 38]; духоте, наполнившей бабушкину обитель, противопоставляется «легкая прохлада, неглубокая, веющая холодком страстность» [7, т. 1, с. 38], царившая за ее пределами. Интересно и расположение комнаты: «в самом конце квартиры, за кухней» [7, т. 1, с. 38], на отшибе, подобно тому, как еврейские местечки располагались на окраинах метрополии. Именно здесь, раз в неделю, мальчик возвращался к корням, погружаясь в мир позабытой традиции, существующий совсем рядом, бок о бок с прохладой весеннего дня, воскрешаемый бабушкиными историями о цадиках, корчмарях, польском восстании. Он воспринимает

¹ Тема «субботней тоски» по умирающей традиции очень характерна для еврейских писателей конца XIX – начала XX в.

его через запахи, краски и звуки: «Все мне крепко ложилось на душу. Если говорили при мне о лавке, я вспоминал вывеску, золотые потертые буквы, царапину в левом углу ее, барышню-кассиршу с высокой прической и вспоминал воздух, который живет возле этой лавки и не живет ни у какой другой. А из лавок, людей, воздуха, театральных афиш я составлял мой родной город. Я до сих пор помню, чувствую и люблю его; чувствую так, как мы чувствуем запах матери, запах² ласки, слов и улыбки» [7, т. 1, с. 37].

С не меньшим вождением и восторгом повествователь, только что помышлявший о побеге, описывает традиционную еврейскую трапезу: «холодная фаршированная щука с хреном (блюдо, ради которого стоит принять иудейство), жирный, вкусный суп, жареное мясо с луком, салат, компот, кофе, пирог и яблоки» [7, т. 1, с. 38]. Похожим образом национальная кухня как один из маркеров этнической идентичности описывается в целом ряде современных И.Э. Бабелю текстах о детстве. В частности, у И.С. Шмелева: «А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам <...> а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо!” А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а <...> великая кулебяка на Благовещенье, с вязигой, с осетринкой!» [11, с. 124]. Кроме того, герой Шмелева, так же, как и повествователь у Бабеля, ассоциирует религиозную традицию с определенными блюдами.

Неслучайно и то, что тема отчего дома, национальных корней, ассоциируется именно с образом бабушки. Несмотря на патриархальность иудаизма, очень часто власть в традиционной семье принадлежала прамати³, т. е. бабушке, и распространялась не только на сферу домоводства, но и на принятие важных решений [9, с. 17]. Об этом феномене пишут многие еврейские мемуаристы конца XIX – начала XX вв. Например, Ехезкел Котик: «В нашей семье, благодаря стараниям любимой и незабвенной бабушки Бейле-Раше, царило удивительное единодушие. Если кто-либо из членов семьи заболел, она неотступно ухаживала за ним... в доме у нее всегда была готова еда для всех детей и внуков, и когда кто-то приходил, она его тут же кормила... Также часто случалось, что мужчины приходили спросить совета у Арн-Лейзера и во время разговора выражали желание, чтобы и она при этом присутствовала. Бабушкины советы славились в городе, и он ее подзывал» [10, с. 118–119].

Кроме того, суббота, а именно в этот день мальчик приходил к бабушке, именуется Царицей (Царица Суббота⁴) и ассоциируется в хасидизме со Шхиной, Божественным Присутствием в этом мире, женской эманацией Божества.

Однако при введении этого аллюзивного пласта повествователь все время подчеркивает мертвенность бабушки, в ее портрете проступают черты тления, постепенного угасания: «...тупое лицо. Глаза ее круглые, желтые, прозрачные, не отрывались от меня <...> прозрачные бабушкины глаза неподвижны, и куда они смотрят — я не знаю» [7, т. 1, с. 41–42].

Таким образом, бабушка воспринимается героем как призрак, уходящий дух старой традиции, и, хотя веет от него не хладом могилы, а жаром печки, мальчик тянется именно к прохладе, рвется на волю. Тем не менее рассказ «Детство. У бабушки» является, наверное, единственным из числа рассказов Бабеля о детстве, где мировосприя-

²В рассказе «Пробуждение» говорится о доме, «пропахшем луком и еврейской судьбой» [7, т. 2, с. 171], что перекликается со славянскими представлениями о запахе еврея.

³Отсюда и традиционные еврейские фамилии, образованные от женских имен: Хайкины, Соркины, Ханины и т. п.

⁴А приход субботы считается союзом Всевышнего и Его Шхины (женской эманации Божества), т. е. знаменует восстановление целостности Мироздания. См. субботний гимн «Леха доди».

тие ребенка-повествователя во многом созвучно картинам мира, созданным в русских и еврейских автобиографических текстах первой трети Х столетия. Вполне возможно, что образ бабушки мог превратиться в идеального героя, последнего носителя Традиции, вроде Горкина (роман И.С. Шмелева «Лето Господне») или рэбе Элимелеха (цикл рассказов Ш.Й. Агнона «В шатре дома моего»), ведь изначально предполагалось продолжение: «О том, какие друзья, молчаливые и скрытые, они (бабушка и собака) были, я расскажу в другой раз. Это очень хорошая, трогательная и ласковая история» [7, т. 1, с. 38].

Анализируя рассказ «Детство. У бабушки», можно говорить о типологически схожих с современными И.Э. Бабелю автобиографическими текстами приемах моделирования идеального мира детства: повествователем является герой-ребенок, существо ритуально чистое, живущее в мире до Катастрофы, не утратившем еще своей целостности. Естественный, формировавшийся веками, уклад показан глазами ребенка, воспринимается сквозь призму вкусов и запахов, а люди, окружающие рассказчика, наделены фольклорными чертами и напоминают добрых сказочных героев. В идеальном мире детства нет места отрицательным персонажам, однако слышен и голос взрослого автора, который знает о скором крахе этой совершенной и несокрушимой, по мнению ребенка, Вселенной.

Герой Бабеля живет не в рамках одного национального мира, но на стыке культур и стремится к диалогу между ними. С одной стороны, он получает традиционное еврейское образование — «в детстве, пригвожденный к Гемаре, я вел жизнь мудреца» [7, т. 2, с. 174], — с другой, постигает светские науки, «европейскую ученость»: русскую словесность, историю, музыку и даже Закон Божий, бывший в то время необязательным предметом для учащихся иудейского вероисповедания. Он восхищается стихами Пушкина, повестями Тургенева, романами Дюма, цитирует Шекспира по памяти, однако своими знаниями из области раввинистической книжности не похвастается. Более того, мальчик в конечном итоге восстает и против занятий скрипкой, бросает вызов «фабрике еврейских карликов в кружевных воротничках и лаковых туфельках» [7, т. 2, с. 171], начиная прогуливать занятия. Он мечтает о физическом развитии на лоне природы⁵, учение ослабило его: «Хоть я и вышел из возраста вундеркиндов — мне шел четырнадцатый год, но по росту и хилости меня можно было сбить за восьмилетнего» [7, т. 2, с. 171]. И свою слабость, свое неумение плавать он объясняет связью с еврейством⁶: «Уменье плавать оказалось недостижимым. Водобоязнь всех предков — испанских раввинов и франкфуртских менял — тянула меня ко дну. Вода меня не держала. Исполосованный, налитый соленой водой, я возвращался на берег — к скрипке и нотам. Я привязан был к орудиям моего преступления и таскал их с собой. Борьба раввинов с морем продолжалась до тех пор, пока надо мной не сжалился водяной бог тех мест — корректор «Одесских новостей» Ефим Никитич Смолич» [7, т. 2, с. 174]. Наставником героя становится не раввин, не синагогальный служка, а натурфилософ с «головой состарившегося гладиатора» [7, т. 2, с. 175], который замечает в своем «ученике» искру божью и учит его «чувству природы»⁷.

Несмотря на то, что мальчик живет в Одессе, он до десяти лет не видел моря, в четырнадцать не умел плавать и не знал, как выглядит акация, символ родного города. Мотив оторванности еврейского ребенка от природы довольно часто встречается

⁵ Неслучайно он обсуждает со своим одноклассником Марком Боргманом пантеиста Спинозу.

⁶ Впоследствии этот стереотип будет разрушен в образе Бени Крика.

⁷ Т. е. тому, за что, к примеру, Б. Спиноза был отлучен от еврейской общины.

и в мемуарной литературе. Вот что пишет израильский историк Бен-Цион Динур, современник И.Э. Бабеля, о своем переезде в Тельшайскую йешиву: «Дорога проходила через леса, до этого ни разу не случалось проезжать через лес <...>. Весь этот пейзаж был для меня в новинку и произвел неизгладимое впечатление» [7, с. 68]. В результате занятий с «натурфилософом» мальчик приобретает «чувство природы», но так и не может побороть водобоязнь своих предков, а сверх того, окончательно утрачивает навык игры на музыкально инструменте, т. е., оторвавшись от одной традиции, не примыкает к другой. Тем не менее он продолжает восхищаться и своим «учителем» с его «медными плечами» и «атлетической грудью», и физически развитыми мальчишками⁸ с Приморской улицы. Мальчика привлекает телесность. В женщине, которую он полюбил в десять лет, его восхищают пышные формы: «начало белых, вздутых, отдавленных книзу грудей <...> пухлая складка от подвязки» [7, т. 2, с. 153], и он страстно ревнует ее к мужу, отмечая, что «любовь и ревность десятилетних мальчиков во всем похожи на любовь и ревность взрослых мужчин» [7, т. 2, с. 154]. Не «только любовь и ревность», но и общее мировосприятие ребенка-повествователя в рассказах Бабеля о детстве похоже на взрослое, ведь мальчик очень рано столкнулся с разрушением национального мира, так и не успев стать его частью: в первом же рассказе из предполагавшегося цикла — «История моей голубятни» — описывается еврейский погром, свидетелем и жертвой которого становится девятилетний ребенок. В начале рассказа мальчик, готовясь к экзаменам, мечтает получить голубей в подарок за поступление в гимназию. Справившись со вступительными испытаниями, он находится на пороге исполнения желаний: у него есть прекрасная голубятня с гнездами для двенадцати (сакральное как в христианстве, так и в иудаизме число) пар голубей и деньги на покупку птиц. Но его мечта в одночасье рушится ворвавшейся в город стихией погрома: прокаженный калека избивает ребенка вишневым голубкой, внутренности которой растекаются по его лицу⁹. Голубятня, находящаяся между Небом и Землей, соединяющая сакральное и профанное, могла бы поддерживать целостность мира ребенка, но этому не суждено случиться, и в нем происходит раскол: «Мир мой был мал и ужасен» [7, т. 2, с. 149], — заключает повествователь, по лбу которого ползет голубиная кишка.

И в этот момент начинается взросление, герой покидает мир детства, он уже не мечтает о птицах, его посещают совсем иные грезы: «Я вообразил себя в еврейской самообороне... На плече, на зеленом шнурке, у меня висит **негодное** ружье, я стою на коленях у старого дощатого забора и отстреливаюсь от убийц. За забором моим тянется пустырь, на нем свалены груды запылившегося угля, старое ружье стреляет дурно, убийцы, в бородах, с белыми зубами, все ближе подступают ко мне; я испытываю гордое чувство близкой смерти»¹⁰ [7, т. 2, с. 171]. С этого момента идеальными в глазах мальчика становятся не учитель древнееврейского языка Либерман, не сина-

⁸ Как отмечает Д.Э. Розенсон в своей монографии «Бабель: Человек и Парадокс»: «Выход провинциального еврея в мир природы, в мир “иных” людей и особенно в спорт был одним из идеалов радикальных сионистов, вроде Жаботинского, организовавших специальные еврейские спортивные клубы “Маккаби”, земледельческие колонии (в частности, в Крыму) и т. д. Так на фоне нового человека, который выковывался в горниле страшных войн начала XX века, выковывался и «новый еврей, одной из разновидностей которого были <...> и “еврей-казаки” из левого сионистского движения “А-Шомэр а-цаир” (“Молодой страж”）」 [4, с. 171].

⁹ Практически тождественной является сцена убийства гуся Лютовым в рассказе «Мой первый гусь».

¹⁰ Эта ситуация воплощена в рассказе «После боя», когда Лютов идет в атаку без патронов в револьвере, а его, как и отца героя в рассказе «Первая любовь», называют молоканом.

гогальный служака рэб Аба и даже не родной отец, а люди, способные постоять за себя, которые среди еврейского окружения героя отсутствуют, зато встретятся спустя много лет Кириллу Лютову. Ему же предстоит засвидетельствовать, подчас не без восхищения, полное разрушение мира, описанного в рассказе «Детство. У Бабушки». Получат развитие и танатологические мотивы, связанные с образом бабушки: исчезающая еврейская цивилизация будет уподоблена кладбищу в Козине (неслучайно одноименный рассказ занимает центральное место в композиции конармейского цикла, находясь практически посередине). «Кладбище в еврейском местечке. Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном вольнских полях» [7, т. 2, с. 60]. История еврейского населения этих мест показана как история смерти: «В стороне, под дубом, разможенным молнией, стоит склеп рабби Азриила, убитого казаками Богдана бедуина» [7, т. 2, с. 60]. «На осколках этих скрижалей, обломках уходящего в небытие традиционно национального уклада, автор попытается построить Третий интернационал, “Интернационал добрых людей”» [7, т. 2, с. 31], который «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью» [7, т. 2, с. 31].

Однако для повествователя, как и для старика Гедали, идеи революции переплетаются с традиционными еврейскими текстами: «Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция? Я учил когда-то Талмуд, я люблю комментарии Раше и книги Маймонида. И еще другие понимающие люди есть в Житомире. И вот мы все, ученые люди, мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам, где сладкая революция?..» [7, т. 2, с. 60]. Родина в очередной раз утеряна, но остался Текст, который помнят и хранят лишь немногие, к числу которых относится, очевидно, и сам повествователь, понимающий витиеватую речь старьевщика. «Сладкая революция» так и не совершилась, а национальный мир, уничтоженный на глазах Бабеля, остался в его сердце, и его идеализированную модель он воссоздаст впоследствии в «Одесских рассказах».

В рассказах И.Э. Бабеля о детстве мир прошлого ассоциируется с уходящей национальной традицией, многовековой еврейской историей, деяниями ветхозаветных патриархов и чудесами падииков. Однако он не кажется повествователю идеальным, герой не стремится вернуть этот Потерянный Рай. С детства он пытается вырваться за пределы замкнутого национального мира, а ужас погрома, который мальчик испытал слишком рано, ускорил процесс его взросления, происходившего уже вне контекста еврейской культуры.

Список литературы

Исследования

- 1 *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 448 с.
- 2 *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
- 3 *Погорельская Е.И.* Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни» // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 149–165.
- 4 *Розенсон Д.* Бабель: Человек и парадокс. М.: Книжники, 2015. 384 с.
- 5 *Юзефович И.В.* Национальный мир глазами ребенка (на примере романа И.С. Шмелева «Лето Господне» и рассказов Ш.И. Агнона из цикла «В шатре дома моего») // Преподаватель 21 век. 2013. № 2. Ч. 2. С. 333–341.
- 6 *Hetényi Z.* In the Maelstrom. The History of Russian-Jewish Literature. Budapest: Central European University Press, 2008. 316 p.

Источники

- 7 *Бабель И.Э.* Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 480 с. Т. 2. 574 с.
- 8 *Бабель И.Э.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Время, 2006. Т. 4. 640 с.

- 9 *Динур Бен-Цион.* Мир, которого не стало. Воспоминания и впечатления (1884–1914). М.: Мосты культуры, 2008. 588 с.
- 10 *Котик Е.* Мои воспоминания // пер. с идиша М.А. Улановской; под ред., предисл. и прим. В.А. Дымшица; СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2009. 368 с.
- 11 *Шмелев И.С.* Лето Господне. М.: Синергия, 1998. 448 с.

***

© 2024. Ilya V. Yuzefovich
Moscow, Russia

NATIONAL WORLD THROUGH A CHILD'S EYES IN THE PROSE OF I.E. BABEL

Abstract: Attempts to reproduce the lost world of national tradition arose in the works of many authors of the first third of the 20 century as a consequence of the collapse of traditional culture, a process typologically similar for both Russian and Jewish civilizations. The desire to recreate the world of the past is also one of the characteristic features of I.E. Babel's prose. Having described the collapse of the national world in "Red Cavalry", I.E. Babel reconstructs it not only in "Odessa Stories", but also in an unfinished cycle of short stories about childhood. The main character and, concurrently, "the narrator" of this book is a child. However, the connection between him and the adult narrator is not as strong as in the autobiographical prose of most I.E. Babel's contemporaries (representatives of both Russian and Jewish literature). The adult narrator doesn't dream of escaping the reality, he has no desire to return to prerevolutionary Odessa; on the contrary, he dreams of growing up as soon as possible and gaining strength sufficient to prevent the collapse of the national world, to repel the rioters, even at the cost of his own life. The ideal in the prose of I.E. Babel is not the past, but the future, in which his hero will get stronger and be able to create a "brave new world", "The International of good people".

Keywords: Babel, the First Third of the 20th Century, Russian-Jewish Literature, Autobiographical Prose, Dialogue of Cultures.

Information about author: Ilya V. Yuzefovich — PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Philology and Linguo-culturology, Maimonides Academy, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art), Sadovnicheskaya St. 35, bldg. 2, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-4836-6924>

E-mail: ilvicu@list.ru

Received: May 8, 2023

Approved after reviewing: December 12, 2023

Date of publication: March 25, 2024

For citation: Yuzefovich, I.V. "National World through a Child's Eyes in the Prose of I.E. Babel." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 71, 2024, pp. 199–207. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-199-207>

References

- 1 Gulyga, A.V. *Russkaia ideia i ee tvortsy* [*The Russian Idea and Its Creators*]. Moscow, Soratnik Publ., 1995. 448 p. (In Russ.)
- 2 Il'in, I.A. *Put' k ochevidnost* [*The Road to Clarity*]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 431 p. (In Russ.)
- 3 Pogorelskaya, E.I. "Kommentarii k rasskazu I. Babelia 'Istoriia moei golubiatni'" ["A Comment to I. Babel's 'The Story of my Dovecot'"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2013, pp. 149–165. (In Russ.)
- 4 Rozenson, D. *Babel': Chelovek i paradox* [*Babel: Man and Paradox*]. Moscow, Knizhniki Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
- 5 Yuzefovich, I.V. "Natsional'nyi mir glazami rebenka (na primere romana I.S. Shmeleva 'Leto Gospodne' i rasskazov Sh.I. Agnona iz tsikla 'V shatre doma moego')" ["National World in a Child's Eyes (by the Example of S.Y. Agnon's 'A Dwelling Place of my People' and I.S. Shmelyov's 'The Summer of the Lord')"]. *Prepodavatel' 21 vek*, vol. 2, no. 2, 2013, pp. 333–341. (In Russ.)
- 6 Hetényi, Zsuzsa. *In the Maelstrom`. The History of Russian-Jewish Literature*. Budapest, Central European University Press, 2008. 316 p. (In English)